

Я К О В Н Е Р С Е С О В
Г Е Н И Й В О Й Н Ы
КУТУЗОВ

МОСКВА 2023

УДК 929(470)"1745/813"

ББК 63.3(2)47-8

Н54

Нерсесов, Яков Николаевич.

Н54 **Гений войны Кутузов. «Чтобы спасти Россию, надо сжечь Москву» / Яков Нерсесов. — Москва : Яуза-пресс, 2026. — 480 с.**

ISBN 978-5-9955-1275-2

Вклад Михаила Кутузова в Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. и в разгром Наполеона в 1812 г. не подлежит сомнению и хорошо известен в нашей стране, но личность полководца находится в тени его побед, а ведь он был учеником легендарного Суворова, опытным царедворцем, большим патриотом и любимцем солдат.

Как шло становление Кутузова как полководца? Почему его считали гением войны и поручали самые трудные военные компании? Известный российский историк, кандидат исторических наук Яков Нерсесов рассказывает о судьбе знаменитого военачальника и его непростом решении оставить Москву в 1812 г.

Книга входит в рекомендованный Министерством просвещения список патриотической литературы для внеклассного чтения.

УДК 929(470)"1745/813»

ББК 63.3(2)47-8

ISBN 978-5-9955-1275-2

© Нерсесов Я.Н., наследники, 2026

© Оформление. ООО «Яуза-пресс», 2026

Свет и Тени Михаила Илларионовича Кутузова...

Лучше быть слишком осторожным,
нежели оплошным и обманутым.

М. И. Кутузов

...Лишь на время, лишь на миг, лишь на мгновение мы все оказываемся на этой маленькой, но такой прекрасной планете, чье имя — Земля! Из этих мгновений — наших жизней — и складывается история, история человечества!! Огромное значение играют мгновения из жизни великих людей, чьи причудливые судьбы наложили свой неизгладимый отпечаток на историю планеты Земля!!! Канувшие в вечность мгновения, судьбы тех, чьи имена до сих пор заставляют задуматься над ролью личности в истории...

Перед нами одна из самых культовых и в то же время очень сложных личностей российской истории — Михаил Илларионович Кутузов — своего рода «икона» (вторая после А. В. Суворова) русского полководческого искусства.

Все, что нам предлагалось (разрешалось!) знать о нем, либо слишком залакировано, либо «утонуло» в «небывальщине», тем более что сам М. И. Кутузов был не чужд многоликости. Словесно-фактологическая

полемика о его деяниях и поступках между ярыми «славянофилами» и столь же рьяными «славянофобами» продолжается до сих пор! Впрочем, таковы гримасы истории...

Споры о Кутузове вечны, как мир: «на вкус и цвет советчиков нет»... Эта книга рассчитана на широкий круг читателей, «взедливо» интересующихся исторической тематикой. Это панорама того, что могло быть, это попытка снять налет «мифологизации» с канувшего в вечность мгновения — судьбы Михаила Илларионовича Кутузова, Спасителя Отечества, неспроста так прозванного современниками.

Если вы ознакомитесь с ней, то, возможно, у вас сложится свой взгляд на Михаила Илларионовича Кутузова. Тем более что у каждого, как известно, своя правда, а истина лежит где-то посередине...

Автор, к. и. н. Я. Н. Нерсесов

МОЕЙ ДОРОГОЙ МАМЕ
ИДЕ ТАРАСОВНЕ НЕРСЕСОВОЙ ПОСВЯЩАЮ...

Свет показывает тень, а правда —
загадку.

Древнеперсидская поговорка

Все дело в мгновении: оно определя-
ет жизнь.

Кафка

Мой долг передать все, что мне из-
вестно, но, конечно, верить всему не
обязательно...

Геродот

Пролог

...Аустерлицкое сражение еще не вступило в свою решающую фазу, и прибывший в начале 9-го утра на поле боя российский император Александр I вместе со своим «братом» австрийским императором Францем II выразил своему генералу от инфантерии Михаилу Илларионовичу Кутузову недоумение тем, что русско-австрийские войска в центре позиции — Праценском плато — все еще не пошли в наступление, как это было предписано диспозицией. «Я поджидаю, — дипломатично отвечал своему государю отодвинутый им в тень, но юридически не лишенный поста главнокомандующего Кутузов, — чтобы все войска в колонны собралась». Полный иронии ответный возглас российского императора — «Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки!» — Михаил Илларионович посчитал приказом к действию: «Государь! Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете!»

...Центральная колонна союзных войск под началом Коловрата и Милорадовича пошла с Праценских высот вниз — навстречу врагу, которого она в густом утреннем долинном тумане не видела! Центр русской позиции обнажился, и расчетливый неприятель этим тут же воспользовался...

Одному из самых известных отечественных полководцев, ставшему, кстати, впоследствии «иконой» русского полководческого мастерства, Михаилу Илларионовичу Кутузову потом очень долго историки пеняли именно на этот эпизод в его, несомненно, выдающейся биографии! Якобы он в этом «ключевом» эпизоде своей царедворской дипломатичностью сгубил русскую армию в том памятном сражении. А вот если бы он воспротивился царскому нажиму, то все бы могло сложиться иначе или, по крайней мере, несколько иначе! Так ли это?! Так где же «скрыта» истина, а где «закопана» правда в вечном споре о причастности Кутузова к разгромному поражению русской армии под Аустерлицем — одному из самых страшных во всей ее, безусловно, богатейшей на Триумфы и Трагедии истории...

Ранее, особенно в советский период, биография Михаила Илларионовича Кутузова, в частности трактовка его участия в судьбоносной для Российской империи победе в Отечественной войне 1812 года, подвергалась такой «околонаучной» обработке, такой «лакировке», что вдумчивым исследователям оставалось лишь диву даваться. Только совсем недавно, начиная с конца XX в. фигура Кутузова и другие фигуры подобного масштаба перестали рассматриваться в отечественной историографии сугубо через призму «глянца и зазеркалья».

Теперь, когда возможен плюрализм мнений, разрешены споры и контраргументы, когда есть возможность излагать и прислушиваться к веским доводам зарубежных историков, давайте посмотрим нюансы «раскадровок» некоторых вех на жизненном пути одного из наи-

ГЕНИЙ ВОЙНЫ КУТУЗОВ

более популярных исторических деятелей, чьи поступки и деяния наложили неизгладимый отпечаток на ход как отечественной, так и европейской истории и до сих пор заставляют задуматься над ролью личности в истории. Фигура его весьма неоднозначная со своими «наворотами» и «измами», столь присущими великим деятелям екатерининско-павловско-александровского времени. Михаилу Илларионовичу Кутузову присущи многие легенды и недосказанности, до сих пор роящиеся вокруг судьбоносных событий в российской истории второй половины XVIII — начала XIX в.

Возможно, пытливый читатель сам сделает собственные выводы о человеке совершенно особого формата — «формата 3D» — **полководец-дипломат-царедворец...**

ЧАСТЬ I

Карьера до Аустерлица: фавор и подъем!

Глава 1

Родословная будущего Спасителя Отечества

Михаил Илларионович Кутузов [5.IX.1745 (или все же **5.IX.1747**, как настаивают некоторые современные исследователи; в силу ряда причин вопрос этот остается открытым) — 16.IV.1813, Бунцлау, Силезия] принадлежал к старинному русскому дворянскому роду Голенищевых-Кутузовых, имевшему родовые корни «по ту сторону реки Вислы, где сейчас Пруссия». По одной из легенд якобы они вели свое происхождение со времен Александра Невского (!) — чуть ли не с 1263 г. (?). Причем чуть ли не от полулегендарного дружинника и боярина культовой фигуры в истории Святой Руси — князя Александра Невского — Гаврилы Олексича, ставшего столь знаменитым после полулегендарной битвы со шведами на Неве в 1240 г. Его предком, скорее всего, был другой **Гавриил** — не столь знаменитый, а *Гатуша*, получивший имя «Гавриил» при крещении. На самом деле хитросплетения родословной Михаила Илларионовича настолько непросты, что не представляется возможным их распутать, не скатившись в столь почитаемое современными читательским миром фэнтези. Можно сказать, что предки его служили государям по военной части (оружейная казна, арсенал, осадный воевода

и т. п.), порой оказывая Отечеству важные услуги, как, например, в критические моменты Смутного времени.

...Между прочим, то ли праправнук, то ли правнук (?) того самого *Гатуша-Гавриилы* — Федор Александрович или Александр Прокшич, вероятно, за дородность получил прозвище **Кутуз** (*подушка, на которой плели кружева*) — отсюда и пошла фамилия. У Федора Александровича был брат Ананий, сына которого — Василия прозвали **Голенищем**. Так образовалась новая ветвь — Голенищевы-Кутузовы, из которой собственно и происходил наш герой...

Более или менее конкретные сведения проступают из «тумана преданий» лишь начиная с прапрадеда нашего героя — Ивана Савиновича, ходившего в походы на султана турецкого и хана крымского, в княжество Литовское и Смоленское. Было у него четверо сыновей — Юрий, Семен, Алексей и Иван. Именно Иван Иванович и стал прадедом Михаила Илларионовича. Именно он служил флигель-адъютантом при петровском генерал-фельдмаршале графе Борисе Петровиче Шереметеве и дорос до капитана. Умер он предположительно в 1747 г., т. е. либо спустя два года после рождения своего знаменитого правнука, либо в год его рождения.

У его сына Матвея было четверо детей, старший среди которых — Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов (1717/1718?–1784) — отец будущего полководца — был выпускником Петербургской военно-инженерной школы, весьма известным военным инженером, генералом-поручиком и сенатором. Даже входил в комиссию по погребению императрицы Анны Иоанновны. Активно участвовал в 1-й Русско-турецкой войне 1768—1774 гг.: Рябая Могила, Ларга и Кагул. В общем, отец нашего полководца жил и служил в соответствии с понятиями той эпохи: «ни на что в служ-

бе не набиваться и ни от чего не отбиваться». Будучи сведущ не только в военной науке, но и в гражданских делах, он приобрел от современников прозвище «Разумная книга». Рассказывали, что без его взвешенного мнения не решалось ни одно важное дело в Сенате. При его участии был построен знаменитый ныне канал Грибоедова (ранее Екатерининский) в Санкт-Петербурге, ограждавший город от наводнений. Именно за это достижение императрица пожаловала ему золотую табакерку, осыпанную бриллиантами — по тем временам очень редкая и престижная награда. Историки полагают, что императрица, уважая заслуги отца, благосклонно относилась к его сыну — Михаилу Кутузову.

Мать — урожденная Бедринская Анна Илларионовна (1728 —?), происходила из псковских дворян. *(Любопытно, что мать и старшая сестра оказались полными... тезками — обеих звали Аннами Илларионовнами!)* Ее отец был опочецким, псковским и гдовским помещиком, отставным капитаном Нарвского гарнизонного полка. Когда она вышла замуж за 26-летнего Иллариона Матвеевича, то ей только-только исполнилось 16 лет, что было возрастной нормой по тем временам. Раньше очень долго считалось, что она была из рода Беклемишевых и приходилась дальней родственницей знаменитому князю Дмитрию Пожарскому, руководителю второго народного ополчения в Смутное время и освободителю Москвы от поляков в самом начале XVII века. Миша Кутузов мог родиться то ли в Санкт-Петербурге, то ли на Псковщине, то ли в сельце Федоровском — вотчине его деда Матвея Ивановича. Родители Михаила, будучи людьми глубоко религиозными, назвали своего мальчика-первенца в честь Архангела Михаила, военачальника всех небесных сил, победившего сатану. Уже став генералом, сам Михаил

Кутузов всегда молился своему архангелу, прося у него победу над врагом.

...Жстати сказать, Миша Кутузов был вторым ребенком в семье. Дата его рождения до сих пор остается предметом жарких дискуссий между исследователями: в метрических книгах церковей Северной столицы за 1745—1748 гг. она отсутствует; по формулярным спискам он мог родиться между 1747/1748 гг.; остаются только арифметические вычисления, а они, как известно, не всегда «говорят правду». У него были старшая сестра Анна и младшие брат и сестра — Семен (1752) и Дарья (1755). Брат Семен — выпускник Артиллерийско-инженерного кадетского корпуса — оказался человеком несчастливой судьбы. Он страдал тихим помешательством, хотя и дослужился в армии до чина майора. Но в дальнейшем был вынужден уйти в отставку и остаток жизни тихо доживать в своем селе Федоровское Великолукского уезда. Семен скончался много позже своего знаменитого старшего брата, в 1834 г. в возрасте 82 лет. Еще накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. над его могилой существовал постамент со словами: «Семен Илларионович Голенищев-Кутузов брат Светлейшего князя Смоленского». В последний раз братья, скорее всего, виделись в 1804 г., когда старший брат сильно сокрушался в своем письме к супруге о состоянии ума младшего брата. Судьбы сестер сложились по-разному: Анна вышла замуж и умерла в один год с Михаилом Илларионовичем, а Дарья так и осталась в девках и коротала свой век на государеву пенсию в 2000 рублей, испрошенную для нее Михаилом Илларионовичем. Ввиду заслуг последнего перед Отечеством царь Александр I пошел на такое благодеяние. До конца своих дней Кутузов заболтался о своих сестрах и душевнобольном брате, делая для них все, что позволяло его высокое положение в обществе...

Глава 2

Детство и отрочество

Детство Кутузова прошло на Псковщине. Отличавшийся крепким телосложением, Михаил Илларионович по каким точно не известным причинам (*лишился матери?*) какое-то время воспитывался бабкой — доброй и набожной дворянкой Бедринской. Уже тогда он любил долго спать и нежиться. Рано проявив пытливость и предприимчивость, резвость с задумчивостью, он тем не менее не проявлял особого прилежания в учебе, которая давалась ему легко, особенно математика и иностранные языки.

...Кстати сказать, Кутузов блестяще владел французским, немецким, изъяснялся по-польски, по-английски, по-шведски и по-турецки, знал латынь и всю жизнь обожал читать французские романы в оригинале. Иностранцы потом отмечали, что «генерал Кутузов разговаривает на немецком, как истинный немец», на что Михаил Илларионович потом поправлял их: «Нет, с немцами я немец, с французами — француз только в разговоре на их языке...» В общем, умел Михаил Илларионович перевоплощаться...

Но именно большие способности не только к языкам, но и к арифметике, геометрии, тригонометрии, физике позволили ему за два года (*даты поступления и окончания по ряду причин остались «за кадром»: 1759 г. и?*) с блеском окончить артиллерийское отделение Объединенной (*соединенной по инициативе графа П. И. Шувалова в 1758 г.*) Артиллерийской и Инженерной школы (*отец, сам окончивший ее в 1737 г., считал, что военная профессия даст сыну возможность сделать карьеру*). Эта школа — главное средоточие русской военно-инженерной мысли — готовила специалистов военного дела, имеющих законченное образование. Большое вни-

мание здесь уделяли артиллерии и тактике. При этом, естественно, что особо тщательно преподавались точные науки как основа познания артиллерийского и инженерного дела. Здесь читал лекции такой знаток артиллерии той поры, как И. А. Вельяшев-Волынцев — автор очень известного тогда труда «Артиллерийские предложения». Ее воспитанники находились на полном государственном довольствии, получали жалованье и учились, соблюдая строгую воинскую дисциплину. Но часть учеников, как, например, Миша Кутузов, выходцев из богатых семей, имели спецразрешение на домашнее обучение по обязательным дисциплинам. Считается, что Кутузов-младший с самого начал выделялся среди сверстников своей незаурядностью. Во время учебы большое влияние на складывавшееся мировоззрение юного Михаила оказал один из крупнейших русских просветителей второй половины XVIII века — преподаватель математики капитан Я. П. Козельский — автор модных в ту пору трудов: «Механические предложения», «Математические предложения» и «Философские предложения».

...Кстати сказать, весомую роль в формировании личности Михаила Илларионовича сыграл двоюродный брат его отца адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов (1729—1802), 40 лет (с 1762 г.) бесценно руководивший единственным в России военно-морским учебным заведением — Морским кадетским корпусом, выпускником которого он сам и являлся. Он был не только членом всевозможных коллегий (вплоть до президентства в Адмиралтейской коллегии и членства в Российской академии), составителем-соавтором первого толкового словаря русского языка, переводчиком трудов по военно-морскому искусству, но и учителем «Нептуновых наук» наследника престола Павла Петровича. Для своего племянника (*рано лишившегося матери?*), очень редко видевшего вечно занятого на службе отца, именно Иван Логинович стал покровителем, наставни-

ком и «ориентиром» как в детстве, отрочестве и юности, так и главным советчиком в зрелости. Недаром в своих письмах к нему Михаил Илларионович величал Ивана Логиновича своим «батьюшкой». Именно в его обширной библиотеке в кабинете дома на Большой Морской улице Кутузов забывался за книгой, журналом или газетой на трех языках...

Будучи не только одним из лучших выпускников, но и очень «оборотистым на язык малым», которого заметил сам М. И. Мордвинов — всесильный помощник графа П. И. Шувалова по руководству школой, Михаил Кутузов остается на преподавательской работе: помогать Козельскому обучать дворянских «недорослей» арифметике и геометрии. Начав с капрала, вскоре он уже каптенармус, потом в 1760 г. — кондуктор 1-го класса. Столь быструю карьеру юного Кутузова следует объяснять как его отменным образованием, так и протектированием со стороны двух «мохнатых лап» — отца и дяди. 1.01 (или — 28.02?) 1761 г. Михаила Илларионовича производят в первый офицерский чин (инженер-прапорщик).

Глава 3

Первые шаги по службе и на военном поприще

1.03.1762 г. полиглот Кутузов приказом Военной коллегии Инженерного корпуса стал флигель-адъютантом ближайшего родственника самого императора Петра III Петербургского и Ревельского генерал-губернатора, генерала-фельдмаршала, принца Петра-Августа-Фридриха Гольштейн-Бекского (1698—1775). Этот крестник Петра I, служивший в русской армии с 1734 г., отличившийся еще в битве при Ставучах в 1739 г., ни слова не знал по-русски, а потому воз-

ложил на грамотного и старательного 15—17 (?)—летнего юношу ведение канцелярских обязанностей. Существуют различные версии, объясняющие, *каким образом* наш совсем юный герой сумел оказаться на столь престижной должности.

Обычно пишут, что это могло случиться посредством караульной службы в Санкт-Петербурге, в том числе во дворце. Якобы очень симпатичный, импозантный, «оборотистый» (*недаром со временем «коллеги по ремеслу» начнут называть его между собой «Ларивонычем»*) и уверенный в себе, начавший хорошо разбираться в тонкостях придворной жизни статный юный офицер не раз «вовремя» (*иначе в эпоху женщин-государынь было не пробиться!*) попадает в поле зрения будущей государыни Екатерины II, безусловно, знавшей толк в импозантных мужчинах. Пригожий офицер Кутузов ей «глянул», и с тех пор она будет «держат его в уме», продвигая по службе. Скорее всего, дело действительно не обошлось без «женского внимания» великой княгини Екатерины Алексеевны. Отец Миши Кутузова был у нее на хорошем счету еще до ее вступления на престол, и она могла посодействовать благоустройству его первенца, порекомендовав его принцу Гольштейн-Бекскому. Так началась его «фортуна» (фавор)...

Дворцовый переворот в пользу Екатерины Алексеевны прошел «мимо него»: вероятно, что отец с дядей предпочли отправить юнца подальше от столицы, пока «все карты не лягут на стол» и не станет понятна «разблюдовка». Когда все разрешилось в нужном направлении, Михаил Кутузов, произведенный в капитаны 21.08.1762 г., вернулся в Санкт-Петербург и по собственной просьбе в марте определился командиром роты в Астраханский пехотный полк, располагавшийся неподалеку от Санкт-Петербурга — в Новой Ладоге. Для будущего *Спасителя Отечества* начались полвека строевой службы, походов и войн.

Юный Кутузов оказывается в полку, который вскоре возглавил А. В. Суворов, к тому времени прошедший суровую школу Семилетней войны и отменно себя зарекомендовавший на невысоких, но командных должностях. Не все историки согласны с тем, что уже тогда могла произойти встреча этих двух самых известных полководцев Российской империи. Тем более вызывает сомнения, что между ними потом установились особо дружеские отношения. Скорее всего, это было нечто похожее на «благородное соперничество»: оба были людьми отнюдь «непрозрачными», даже непроницаемыми, умело прикрывавшими свою закрытость разного рода приемами — один неповторимым шутовством и скomorошеством, другой — исключительной любезностью и галантностью. Тем более что «бесхитростный» Александр Васильевич всю жизнь исключительно жестко придерживался стратегической линии поведения со всеми возможными конкурентами в борьбе за славу первого полководца своего времени, сформулированной позднее «негаданно пригретым славой» победителя самого Наполеона Бонапарта герцогом Веллингтоном, что-то типа: «На Олимпе нет места для двоих!» (или «На вершине нет друзей!»). А Михаил Илларионович придерживался примерно такой же позиции, только проводил ее в жизнь не столь прямолинейно, а очень витиевато и за глаза. Между тем у Суворова было чему поучиться: смелости, решительности, находчивости, инициативности, хладнокровию в критических моментах боя и самому главному — умению побеждать не числом, а умением. Суворовская «Наука побеждать», — это «тяжело в учении — легко в бою». В любую погоду пехотный полк Суворова уходил без обозов на учения, форсируя реки, совершая изнурительные марш-броски по целине, лесам и болотам, с риском для жизни обучаясь штыковому бою и прицельному залповому огню. Правда, уже много позже Кутузов, анализируя ошибки Суворова,

очевидцем которых ему посчастливилось быть (*например, не скоординированная с высшим начальством неудачная атака турок под стенами Очакова*), сделал для себя далеко идущий вывод: талант, дерзость и отвага не всегда приносят на войне положительный конечный результат. Его полководческое кредо было несколько иного формата, но об этом чуть позже.

...Между прочим, признавая залповый огонь только с близкой дистанции, Суворов отдавал предпочтение штыковому удару. «При всяком случае наименее неприятелю страшный ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех на свете работают», — учил Суворов. Искусно владеющий штыком и меткой пулей боец, говорил Суворов, обладал в любом бою «двумя смертями», особенно когда приходилось биться с преобладающим численно врагом. «Береги пулю в дуле! — поучал он солдат. — Трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!» Суворов категорически не переносил отступления. Слово «ретирада» (отступление) он произносил зажмурившись и нараспев. Наотрез отказываясь обучать войска приемам отступления, он не раз бывал опрокинут в бою, но так до конца жизни и не признал отступление как вид обороны. Среди австрийских и прусских генералов-современников Суворова ходили разговоры, что Суворова можно победить, если расстроить ряды его атакующих солдат и заставить отступить, потому что они этому не обучены, а оборона и отступление, как известно, самый сложный вид боя. Сделать это можно, только заманив русских под удар ложной ретирადой либо очень сильным огнем, который не допустит их сокрушительного штыкового удара. Парадоксально, но на деле так никто и не сумел воспользоваться этими ценными теоретическими советами. Во время учений Суворов, всегда стремившийся к тому, чтобы каждый солдат понимал свой маневр, применял максимально жестокий способ атаки.

Его сквозные штыковые атаки, когда два батальона шли в штыки друг против друга, с непривычки вызывали ужас как у очевидцев, так и у участников. При ударе в штыки Суворов приказывал наступающим ни на секунду не задерживаться. При этом как бы силен ни был удар, он не позволял отражающим его отойти, и только в самый последний миг следовало поднять вверх штыки. Порой не всегда это получалось и кое-кто получал раны, иногда смертельные. Зато так выработывалась техника штыкового боя, на протяжении всей военной карьеры Суворова бывшая его главным и неотразимым оружием в борьбе с вражескими армиями. Не менее впечатляюще проходили и учебные кавалерийские атаки против пехоты. Пехота с ружьями, заряженными холостыми патронами, выстраивалась напротив кавалерии так, чтобы каждый стрелок находился от другого на таком расстоянии, которое было нужно одной лошади для прыжка между ними. Позади строя ставились лукошки с овсом, чтобы прорывающиеся сквозь строй людей кони знали, что за ним их ждет «награда»-лакомство. Потом он приказывал кавалерии идти в атаку галопом с саблями наголо. Пехота стреляла именно в тот момент, когда всадники проносились на полном ходу сквозь стреляющий строй. После многократного повторения этого сложного и опасного маневра лошади так приучались к выстрелам прямо в морды, что сами рвались на паливших в них стрелков, чтобы как можно скорее закончился весь этот ужас, и они прорывались к лукошкам с овсом. Для пехотинцев такие учения обходились порой очень плохо — смертельно. От дыма ружейных выстрелов, от лихости либо неумения кавалеристов или от горячности напуганных (*плохо выезженных*) лошадей, пронесившихся сразу по несколько в один проем между стрелками (*порой те вставляли не там, где следовало*), кое-кто в пехотном фронте получал тяжелое увечье либо просто погибал затоптанный конницей. Суворова